

К. И. ЗАЙЦЕВ

«Бунинский» мир и «сиринский» мир

Современная литература, в частности, русская, знает множество произведений, отмеченных талантом, иногда очень живым и ярким. Тонкая наблюдательность, хороший язык, живое повествование, умелая композиция, легкость и занимательность фабулы — все это щедро рассыпано в современной литературе и, несомненно, свидетельствует об очень высоком ее уровне. Есть, однако, одно свойство, которое является исключительной редкостью в современной «изящной словесности». Чрезвычайно мало книг, которые доставляют читателю *радость*. Чрезвычайно мало художественных произведений, оставляющих у читателя впечатление солнца, света, воздуха.

В последнем номере «Современных записок», как бы на манер назидательного школьного примера, помещены два произведения, которые разительно в этом смысле контрастируют. Читатель непосредственно после очередного отрывка бунинской «Жизни Арсеньева» может перейти к чтению начального отрывка аналогичной «Жизни Лужина», каковой является начатая печатанием большая повесть Сирина «Защита Лужина».

Когда читаешь Бунина, ощущаешь будто глоток кислорода. Мне уже приходилось выражать свое восторженное отношение к «Жизни Арсеньева». Новый отрывок дает лишь новый материал для такого же восхищения. Подлинно, «Жизнь Арсеньева» — огромный литературный факт, один из тех немногих и редчайших, появление которых должно рождать чувство гордости у современников.

Трезвое, спокойное, даже порой деловитое изложение самых простых событий — и вместе с тем ощущение какого-то неизменного *величия человеческой жизни*. Много трудного в этой жизни, печального и отталкивающего — и все же человек в оправе чу-

десного Божьего мира представляется явлением громадным в своей духовной значительности, нравственно великим и житейски бесконечно привлекательным. Есть что-то «героическое» в скромной и будничной фигуре Арсеньева, героическое в смысле цельности чувств, в смысле напряженности ощущений, в смысле пафоса душевных переживаний. Да, жизнь — большая и серьезная вещь, бесконечно прекрасная, глубоко осмысленная, возвышенно радостная. Это чувство рождает чтение бунинского «Арсеньева».

Есть что-то символически отрадное в появлении в условиях нашего безвременья, в той атмосфере морального разложения, уныния и упадка, которые характеризуют будничную современность, такой живительной, бодрящей и вместе поэтически-пленительной книги. Бунин как бы протягивает руку помощи нашему веку и раскрывает перед ним те неизреченные красоты жизни, мимо которых он, как слепорожденный, готов пройти. Испытываешь чувство бесконечной благодарности к поэту, который силой своего гения так блистательно утверждает достоинство, красоту и величие человеческой жизни. «Жизнь Человека» — вот то название, которое можно было бы дать «Жизни Арсеньева». Не того «человека», о котором писал когда-то притязательную драму интеллигентский писатель Леонид Андреев, а того человека, на котором лежит печать создавшего его Творца и который есть великая и прекрасная Божья тайна.

И вот прямо с высот бунинской поэзии вы попадаете в крошечную тьму сирийского духовного подполья. Сирий — блестящий писатель. Он сначала привлек всеобщее внимание как исключительный мастер стиха. Затем, столь же быстро, с первых шагов завоевал себе место замечательного мастера русской прозы. Внешнее совершенство отличает и то новое произведение, которое начало печататься в «Современных записках». Можно было бы систематически, «по статьям», расхваливать достоинства нового произведения. К тому же оно, несомненно, интересно и даже увлекательно — при полном отсутствии занимательной фабулы. Это ли не высший комплимент писателю?

И все же, с каким огромным облегчением закрываете вы книгу, внимательно прочитавши до последней строки. Слава богу, не надо дальше читать этого наводящего гнетущую тоску талантливейшего изображения того, как живут люди, которым нечем и незачем жить. Не люди, а человекообразные, не подозревающие ни красот окружающего их мира, ни душевных красот человеческой природы, слепорожденные кроты, толкающиеся бес-

помощно, безвольно, безответственно в потемках какого-то бессмысленного и бесцельного прозябания.

Какой ужас, так видеть жизнь, как ее видит Сирин!

Какое счастье, так видеть жизнь, как ее видит Бунин. Спасибо же Бунину, особенно горячее спасибо за то, что он приобщает нас к этой «бунинской» жизни и силой своего гения уводит нас от мрака «сиринской» жизни.

